Едва члены военного совета покинули башню, как заговорил Эйлор.

— Я только что был вынужден настаивать на плохой стратегии. Перед некоторыми из лучших военных умов Семи Королевств. Тебе лучше объяснить мне, почему я оказался в настолько… неприятной ситуации.

Рейгар, глядя на младшего брата, всё ещё сохранял в своем голосе нотку окончательности.

— Я удивлен, что ты действительно это сделал.

Эйлор пожал плечами, фиалковые глаза смотрели в такие же, как у брата.

— Я тоже. Я всё ещё хочу наброситься на тебя за то, что ты начал эту чертову войну… но вместо этого, я только что предложил людям броситься в ловушку. Людям, которые знают, что это идиотизм. И всё потому, что ты попросил меня последовать твоему примеру на военном совете. — Эйлор фыркнул и покачал головой. — Почему мы так рвемся в бой?

— Потому что мне нужно умереть. — Король произнес это спокойно, как будто указывал на очевидную деталь. — Я не переживу эту войну. — Эйлор от такого откровения застыл на месте; взгляд его стал на пустым, что свидетельствовало о крайней степени удивления. Король ответил на это печальным выражением лица. — Я умру на том броде. Не знаю, как; от стрелы или меча, не могу сказать, но умру.

— Тогда какого хрена мы туда идем? — Эйлор, впервые со злополучного турнира, смотрел на брата без желания накормить его собственными зубами. — Откуда, во имя Семи, ты это вообще знаешь?

— Я видел это. В видении.

Сумеречный Дракон вмиг вернул себе и острый взгляд, и гнев.

— Ты идиот. Из-за пророчества начал войну, в которой погибли тысячи людей, а теперь собираешься пустить ещё тысячи в ловушку из-за видения?

— Да. — Последовал односложный ответ. — Я начал эту войну из-за пророчества. Я иду в ловушку, потому что увидел ее в видении. Эйгон — принц, который был обещан.

— В пекло твое пророчество, Рейгар.

Эйлор сохранял удивительно спокойный голос, несмотря на ярость, которая бурлила в его жилах.

«Мы уже достаточно орали друг на друга по этому поводу. До сих пор его толстый череп пробить не удалось… может быть, спокойное рассуждение окажется эффективней?»

К вящему сожалению Эйлора, выбранная им же тактика была обречена на провал. Он — полное дерьмо, когда дело касается спокойных рассуждений. Ему больше нравится кипеть от ярости и убивать.

— Верь во что хочешь. — Лицо Короля оставалось спокойным, печальным, но твердым; выражение, которое удавалось только Рейгару. — Веришь ли ты в пророчество или нет, значения не имеет. Ты мой брат, и тебя очень уважают люди, стоящие лагерем снаружи; думаю, большинство из них любят тебя больше, чем меня. Но я — король. Лишь мое решение — идти нам к Зеленому Зубцу, или нет. Я попросил тебя о поддержке только ради видимости.

— Отец был королем, который делал всё, что хотел, потому что он был королем, брат. — Эйлор скривил губы в уродливую гримасу, пародируя отца, когда тот уже окончательно обезумел. — Он приказал сжечь дотла город, в котором жили десятки тысяч людей. Только не говори мне, что ты такой же.

Впервые с тех пор, как они были маленькими детьми, Эйлор увидел, как на лице его брата промелькнула ярость. Король наставил длинный палец на Сумеречного Дракона, и голос его перестал быть мягким, а сменился тембром, твердым, как валирийская сталь.

— Никогда не сравнивай меня с Эйрисом. Ненавидь меня сколько угодно, но я забочусь о Вестеросе гораздо больше, чем он или ты. Всё, что я делаю, я делаю ради будущего Семи Королевств. Никто, ни Роберт, мать его, Баратеон, ни дракон из Сумеречного Дола, не помешают мне сделать то, что до́лжно быть сделано.

— Будущее Вестероса, да? А как же твоя семья? А как же твой сын?

Рейгар опустил палец, хотя выражение его лица не изменилось.

— Мой сын — это будущее Вестероса и моей семьи. Они — одно целое. — Король сделал долгий глоток вина и опустил чашу, демонстрируя на лице знакомое печальное выражение, которое знаменовало то, что он успокоился. — Моя смерть необходима для возвышения моего сына. Он будет более великим королем, чем даже Эйгон Завоеватель.

Эйлор откинулся в кресле, потрясенный услышанным.

— Твой сын — младенец.

— И что? В сути это ничего не меняет. Он станет великим человеком и великим королем.

— После твоей смерти, он станет ребёнком без отца. Мать, какой бы хорошей ни была, не

воспитает из сына мужчину.

— Глупости. У него есть отец, и этот человек подходит на эту роль куда лучше, чем я. — Рейгар выдержал театральную паузу и усмехнулся над выражением лица брата, когда тот понял, что речь идет о нем. — Ну что же ты, брат, откуда это потрясение? Ты любишь моих детей, как своих собственных. И это качество достойно восхищения, особенно если вспомнить, что речь идет о члене нашей семьи, семьи, в истории который прослеживается нехватка любящих людей и явный излишек убийц.

— Я, очевидно, также люблю твою жену.

Рейгар мягко улыбнулся, будто речь идёт не о странной полу-измене, а о чём-то… наивном и детском. Возможно, с точки зрения человека, идущего на смерть, всё так и было.

— Ты знаешь, что любишь.

— Ты говоришь так, будто я хочу всё то, что есть у тебя.

— Ты всегда хотел то, чем я обладал, младший брат. Всё, кроме моего наследства. И моего крылатого шлема.

Эйлор сморщился в напускном отвращении.

— Уродство. До сих пор не могу понять, что ты в нем нашел. — Сумеречный Дракон отвечал на автомате, попутно пытаясь переварить всё, что вывалил на него Рейгар. Попытка всё никак не венчалась успехом. Эйгон — ребенок. Даже если он станет королем, каким ты его «предвидишь», он будет оставаться королем-ребенком в течении многих лет. Семь Королевств не очень-то благосклонны к таким, в чем можно убедиться, заглянув в хроники.

Рейгар выгнул бровь.

— И кто же претенденты на то, чтобы оспорить его власть? Визерис? Тоже ребенок, и наша мать не позволит ему устроить раздор. Наш нерожденный младший брат или сестра? Еще один ребенок. Ты? Даже не смешно. Неважно, как сильно ты хотел бы получить корону, а я знаю, что ты не хочешь, ты слишком обожаешь Эйгона, чтобы даже думать о нем плохо.

— Власть толкает человека на немыслимые поступки, Рейгар.

— Справедливо. Но не в отношении тебя. Мы оба это знаем. Ты никогда не умел лгать мне, младший брат, и даже не пытайся сделать это сейчас.

Последнее замечание вынудило Эйлора прикусить язык. Король всегда считал, что знает

своего брата лучше, чем он сам. Вдвойне бесило, когда оказывалось, что он прав.

— Что бы ты ни думал о своих видениях или пророчествах, Рейгар. — Сумеречный Дракон вернулся к самому важному вопросу. — Я не собираюсь стоять в стороне, пока ты ведешь наших людей в ловушку, особенно если ты считаешь, что эта ловушка приведет к твоей смерти. Если твердо решил умереть, то имей хотя бы вежливость не увлекать за собой остальных.

Король встал, подошел к окну башни и взглянул на стихию, что бушевала снаружи, приняв облик ливня. Удары капель по стали, холсту и камню — постоянным фон. Обычно Эйлор находил этот звук умиротворяющим, но после последних нескольких недель он стал скорее раздражать.

— Мы победим, Аэлор. Вернее, ты победишь.

Дракон Сумеречного Дола раздраженно закатил глаза.

— Дай угадаю, ты и это предвидел.

— Нет, не предвидел. Но я знаю, что ты это сделаешь. Это имеет смысл; все детали паззла встали на свои места. Семеро дали мне видение, которое обратилось в искру, необходимую, чтобы зажглось пламя. Моя смерть необходима для завершения пророчества. Поражение же всё сведёт на нет, а потому, оно невозможно.

— Ты знаешь, как сильно я доверяю твоим пророчествам, Рейгар. И если я собираюсь идти на бойню, мне нужно больше, чем бредни десятилетней давности и твои сны.

— Мы не проиграем. Всё случится так, как должно, брат. — Король говорил столь уверенно, столь непоколебимо и непреклонно, что Эйлор почти поверил.

Рейгар взял паузу, глядя в окно…

— Лианна беременна.

То немногое понимание ситуации, которое Эйлор начал обретать, тот мир, который он начал заключать с Рейгаром, исчез в одно мгновение.

Стул под Сумеречном Драконом заскрипел в знак протеста и грохнулся на пол, а сам Дракон едва не взлетел и ринулся к своему брату. Сцена до боли напоминала день воссоединения в Королевской Гавани. Казалось, что прошли годы… на деле же — не более пары недель.

— Беременна? Девочка Старков? Она всё ещё у тебя?

Рейгар даже не потрудился повернуться.

— Разумеется она у меня.

— Где?

— В Дорне, в Башне Радости. С ней остальные мои королевские гвардейцы. Я прошу тебя предоставить ей безопасный дом в столице, когда всё это закончится.

Эйлор подошел к брату, схватил его за плечо и развернул к себе, придвинувшись лицом почти в упор. К черту спокойные рассуждения.

— Ты, блять, идиот! Ты похитил девушку и имеешь настолько черное сердце, чтобы...

— Я не похищал ее. — Спокойно перебил Рейгар, сохраняя ровный тон. — Лианна добровольно пошла со мной, тем самым предоставив одну из ключевых частей пророчества. Висенья.

Эйлор, несмотря на долгие года обучения по контролю лица, удержать выражение ужаса не смог.

— Нет... ты же не...

Король вырвался из хватки брата, что было не особо сложной задачей, учитывая очередной шок, который тот испытал и ступор, в который впал.

— У Эйгона Первого были Рейнис и Висенья. Теперь будут и у Эйгона Шестого.

Сумеречный Дракон привалился спиной к стене.

— Ты не можешь так поступить, Рейгар. Ты видел, к чему привели брачные обычаи нашей семьи. Мейгор Жестокий, Эйрион Яркое Пламя, Эйрис Безумный. Это должно прекратиться. Ты не можешь...

— Хочу и могу. — Рейгар сел обратно за стол. — Эйгон женится на своих сестрах, и станет «принцем, который был обещан». Такова моя воля. — Рейегар сделал еще один глоток вина. Такой спокойный и собранный, что невозможно было подумать, что он только что предсказал свою смерть и распорядился о том, что должно произойти через много лет после нее. — Я не стану слушать твои возражения по этому поводу, Эйлор. Мы идем к Трезубцу, с тобой или без тебя. Мы оба знаем, что с тобой. А теперь иди. Нужно ещё многое подготовить.

Хотя он много раз думал об этом в гневе, но сейчас... впервые в жизни, Эйлор Таргариен

всерьез задумался об убийстве брата.

«Это безумие. Он не разумнее нашего отца. — Рука Дракона начала спускаться по боку к изумрудному кинжалу, висевшему у него на поясе. — Наша династия не переживет еще одного безумного короля, каким бы коротким ни было его правление. Да… будет милосердно оборвать его жизнь»

Прежде чем Эйлор в полной мере осознал, что делает, его ладонь уже сжимала рукоять кинжала, а рука, словно обладавшая собственным разумом, наполовину вытащила сталь из ножен. Рейгар не обращал на принца никакого внимания. Он читал лежащие перед ним пергаменты так, словно дракон Сумеречного Дола находился не в пяти футах, а в пяти милях от него и не представлял совершенно никакой угрозы.

Барристан Смелый ушел с остальными по приказу Рейгара. Эйлор остался наедине с королем.

«Это так просто… подойти и перерезать ему горло. Таким образом я положу конец безумию, которое уже захлестнуло королевство, и которое грозит закончиться очередной катастрофой и бессмысленной гибелью людей. Это оптимальное решение. Для Семи Королевств, для Элии… даже для самого Рейгара. — Дракон вытащил кинжал до конца, оставаясь незамеченным братом. — Меня будут ненавидеть. Но я смогу жить с этой ненавистью, если это спасет столько жизней, не так ли?»

В убийстве не было ничего для него нового; он был опытный убийцей, искусным… Пекло, он откровенно наслаждался кровопролитием. Он может забрать эту последнюю жизнь, чтобы спасти множество других, не так ли?

В конце концов, оказалось, что нет.

Эйлор бежал из комнаты с правой рукой, держащей обнаженную сталь, которая так и не вкусила крови. Его мысли неслись вскачь, и ноги делали то же самое — он мчался вниз по лестнице.

Дракон Сумеречного Дола, спотыкаясь, вышел из башни под проливной дождь, не обращая внимания на хлёсткие капли воды, вмиг намочившие его серебристые волосы и жалящие кожу.

«Я чуть не убил собственного брата. Я чуть не перерезал ему горло»

Эйлор упал на колени, и его рука инстинктивно вытянулась вперед, чтобы не дать ему упасть лицом в грязь и дерьмо. Ему это удалось, но всё так же рефлекторно, в порыве бессильного гнева, он впился зубами в предплечье и прокусил кожу. Алая кровь, смешиваясь с бесцветной водой, потекла по его ладони в коричнево-черную грязь внизу.

Некоторое время Сумеречной Дракон оставался на месте, слыша крики людей, спешивших к

нему на помощь, сопровождаемые хлюпаньем грязи и воды. Он не обращал на них внимания, опустив голову и глаза; его серебристые волосы прилипли ко лбу.

«Я чуть не убил своего брата»

Сильная боль, не физическая — с ней он мог бы справиться, — а внутренняя, гораздо более уязвляющая, пронзила его онемевшее тело, когда его посетила другая мысль:

«Я должен был убить своего брата. Из всех жизней, которые я забрал, у меня не хватило духу забрать ту, которая больше всего в этом нуждалась. Я преступник. Идиот, обрекший всех нас на бессмысленную смерть»

Эйлор поднял голову, позволяя каплям дождя биться о его лицо и глаза, и уставился в небо, направляя свое отчаяние и боль на серо-черные небеса. Его люди сгрудились вокруг; их жужжали в ушах Дракона Сумеречного Дола, подобно назойливым мухам, а ощущение их ладоней на его плечах и руках было не более важным, чем моча, которую он исторг из себя этим утром.

«На троне второй Безумный Король. Я оказался пред ним столь же бессильным, как и перед первым»

Эйлору Таргариену никогда в жизни не было так стыдно за себя.

http://tl.rulate.ru/book/80678/2689516